

ВНЕ АМПЛУА

Семья. 1992. №44 - С. 24.

Открытое лицо, обаятельная улыбка, быстрые движения. Такая она внешне.

А внутренне!! Чем живет, о чем думает? Что любит и что ненавидит? Чему в жизни радуется и о чем печалится эта популярная ныне эстрадная певица!

Маша РАСПУТИНА:

«Отец
меня
лупил,
чтоб
я не пела
и не
кривлялась»

— Я родилась в Сибири. Папа у меня коренной сибиряк, а мама одесситка. Когда-то в молодости она приехала в Сибирь с геологической партией, там с отцом и познакомилась. Мама очень любила песни и сама постоянно пела. У нее была куча пластинок, которые сопровождали ее повсюду. И я, глядя на нее, тоже пела. На школьные каникулы родители возили меня к бабушке в деревню, там я выступала перед бабулями.

— Устраивала импровизированные шефские концерты?
— Да. Сооружала из стульев сцену, какую-нибудь ширму у бабушки брала, занавес натягивала... Но концерты были, я бы сказала, не совсем шефскими, скорее коммерческими, потому что я ставила тарелку, куда бабушки клали мне по пять копеек. В школе ходила в хор и так старалась всех перекричать, что мне стали давать солильные партии.

Я не училась в музыкальной школе, поскольку никогда не мечтала стать профессиональной певицей. Просто любила музыку, любила петь, хотела быть артисткой. Ребенком часто кривлялась перед зеркалом, изображая какую-нибудь коварную Миледи из «Трех мушкетеров» или, наоборот, добрую Констанцию. После окончания десятилетки поехала в Москву поступать в театральное училище. Однако оказалась... в машиностроительном бюро.

— Значит, твой путь на эстрадный Олимп был тернистым?

— Да, пройденный путь не был легким. В клубе при объединении, где я работала, арендовал помещение коллектив «Варьете». Там и началась моя певческая деятельность. Я стала профессионально заниматься вокалом и сценическим движением, научилась аккомпанировать себе и на фортепиано, и на гитаре, и на баяне. Окончила музыкальное училище. Но только после того, как в передаче «Песня-89» я исполнила «Играй, музыкант!», ко мне пришла популярность.

— Некоторые критики обвиняют тебя в подражательстве Пугачевой.

— Я никогда не подражала Пугачевой, хотя с детства любила эту певицу. Для меня Пугачева была феноменом какой-то безудержной, необъятной энергии, искренности и правды. Этим она меня и покорила. Я не могу ей подра-

жать: голос у меня совсем другой, исполнительская манера другая. Может быть, только по духу мы с ней в чем-то близки, по темпераменту, но творчески — каждая из нас индивидуальна.

— Что изменилось в твоей жизни с того дня, как ты стала знаменитой?

— Ничего не изменилось. Просто стала более требовательна к себе, потому что чем выше человек взбирается, тем больше к нему требований и со стороны зрителей, и со стороны коллег-профессионалов. А в бытовой жизни все изменилось к худшему. Раньше хоть могла спокойно выходить на улицу, а сейчас свежим воздухом вообще не дышу, да и живу не в лучших условиях, хотя давно обещаю дать квартиру.

Популярные артисты у нас — несчастные люди. Я считаю, что артист не должен выходить вместе со всеми из метро, из троллейбуса, стоять в очереди за колбасой. Нельзя его приземлять, иначе он не будет восприниматься зрителями как артист. Мне, например, многие в письмах рассказывают о своих бедах и верят, что я как-то могу им помочь. А я такой же человек, у меня такие же проблемы, тот же неустроенный быт. Единственное, чем я могу помочь людям, — это своим творчеством, своими песнями, потому что в них есть и искренность, и оптимизм, и какая-то внутренняя сила, которые, надеюсь, помогают людям жить.

— По-моему, Маша, ты все-таки скромничаешь. Насколько мне известно, ты помогаешь людям жить не только своими песнями, но и конкретными делами. В частности, заботишься о больных детях.

— Началось все с того, что я прочла статью о девочке Ире, зараженной вирусом СПИДа. И так расплакалась, так расстроилась — чисто по-женски, потому что я сама — мать, у меня у самой дочка. Пришла в ужас от того, как тяжело и страшно жить в нашей стране людям, зараженным СПИДом, а тем более детям. А трагедия этой конкретной девочки усугублялась еще и тем, что она была одна. Все дети в больнице с родителями, а она одна. От нее все отказались. А в каких ужасных условиях содержали! Положили в бокс, и полгода ребенок не видел ни людей, ни человеческих лиц, а только руки, которые бро-

сали ей, как собачонке, миску с кашей или супом. Ее даже не мыли. Это просто ужасно.

Я как только все это прочитала, в эмоциональном порыве говорю: «Я ее удочерю». А самой жить негде. Мы с моим директором сразу же к ней поехали. Это было летом, в июле. Купили фрукты, ягоды. У меня было детское фирменное платье для дочери, которое ей было еще великовато. Его я тоже повезла. И деньги. Вот так спонтанно собрались и поехали.

Заведующая сказала, что после публикации «рочку» завалили подарками, игрушками, детскими шмотками. Но потом, конечно, все пошло на спад. В другой раз, когда мы у нее были, эйфория уже прошла, больше почти никто не приезжал.

— Маша, ты, конечно, понимаешь, что мы в ответе за тех, кого приручаем?

— Да, я продолжаю навещать Иру, но, к сожалению, не очень часто. Она растет, ей стало лучше. Вскоре, насколько мне известно, ее должны удочерить хорошие люди.

— А время для собственной дочери у тебя остается?

— Честно говоря, заниматься дочерью некогда. Устаю сильно от гастрольной жизни, от концертов, от разговоров с людьми... Когда я ее родила, она некоторое время воспитывалась у моей мамы. Теперь, когда мама умерла (царство ей небесное!), она большую часть времени находится у родителей своего отца. И я иногда жалею, что ничего не могу с этим поделать, потому что происходит ломка ребенка: я ей говорю одно, а бабушка с дедушкой — другое. Для ребенка это плохо, а для моей души мучительно. Но, к сожалению, никуда от этого не денешься.

— Ты считаешь, что она растет избалованным ребенком?

— Да нет, не считаю, но все-таки иногда думаю, что я не такой невежей росла. Может нагубить. Мне говорят: «Это у нее от тебя, ты сама такой человек». Не знаю, может, и от меня, но я в детстве никогда маме и отцу не грубила. Хотя в то же время она талантливая девочка.

— В маму пошла...

— Для меня все равно, кем она будет, лишь бы выросла хорошим человеком. Один раз, правда, пришла из школы и говорит: «А что, если я буду певицей, мне так же цветы будут в окошко бросать?». Я говорю: «Да». Тогда она подошла к пианино, три минуты поиграла, что-то попела... На большее ее не хватило. Так что в этом отношении она совсем не в меня. Меня, маленькую, петь никто не заставлял, даже наоборот. Мой отец — коренной, крутой сибиряк, иной раз меня лупил, чтобы я не пела и не кривлялась. Всегда говорил: «Как ты можешь? К нам пришли гости, а ты тут стоишь, домаешься, на каком-то иностранном языке поешь». Или спать меня отправлял.

— Маша, ну а сама ты, как коренная сибирячка, — девушка с характером?

— Я очень непримиримый человек. С детства не терпела, когда обманывали: говорили одно, а делали другое. Ненавидела, когда притесняли. Не люблю, когда мной командуют. Но могу быть и терпеливой, и терпимой. Мне присуще и чувство юмора. Оно все-таки очень помогает в жизни. Но лучше всего все-таки чувствую себя на сцене. Там я по-настоящему свободна, творю то, что хочу, чего требует душа. Но как только покидаю сцену, на меня снова наваливаются всевозможные бытовые неурядицы, которые раздражают. Я сразу становлюсь злая: нервничаю, срываюсь.

На гастролях в гостиницу лезут все, кому не лень: местные журналисты, поклонники, фанаты. Когда не дают ни спать, ни есть, ни пить — это уже тяготит. С детства люблю природу. Мой отец — заядлый рыбак и я тоже. В детстве часто рыбачила с удочкой. Накопая с братишкой червей и сидим удим рыбу.

— Маша, а сейчас, когда выдается свободная минута, чем ты любишь заниматься?

— Когда выдается свободная минута, успеваю только поспать да поесть — вот и все. А вот если выдается свободный день — это великий праздник, с удовольствием могу поиграть в большой теннис, в футбол. Я бы хотела, чтобы и моя жизнь вне сцены тоже была азартной.

— А ты любишь заниматься домашним хозяйством?

— Я очень люблю готовить, но, к моему великому сожалению, почти не кухарю, потому что у меня пока нет своего дома.

— Как тебе удается сохранить фигуру? Когда ты на сцене падаешь в шпагат — это просто высший пилотаж.

— Вообще я от природы такая, и «растяжка» у меня с детства была. Я и сейчас могу не только в шпагат садиться, но и всякие «мостики», «лягушки» до сих пор делаю, хотя никогда ни в каких секциях не занималась.

А ем, честно говоря, немало. Но, наверное, благодаря моей неумной энергии организм все калории быстро сжигает.

— Какие качества тебе импонируют в мужчинах?

— Благородство. Я люблю мужчин сильных, порядочных и благородных. Но певцы и музыканты меня, как женщину, не интересуют. Мне кажется, мужчин эстрада портит: то ли они какие-то избалованные становятся, то ли какие-то искусственные — не знаю.

— Я вижу у тебя на груди крест, ты веришь в Бога?

— Да, с детства, хотя до 16 лет была некрещеной. Только в 16 лет меня окрестили в Киеве во Владимирском соборе. На меня очень сильно повлияло содержание нескольких брошюр, которые мне дали в церкви. Когда я прочла жизнеописание святых старцев — Серафима Саровского, Николая Чудотворца, Сергия Радонежского, я поняла, что вся наша жизнь, судьба зависит от Бога, и все наши действия ему подконтрольны.

— А в экстрасенсов, астрологов тоже веришь?

— Нет, этим современным Остапам Бендерам, которые дают по телевизору «сеансы одновременной игры», я не верю.

— Так что же все-таки ведет тебя по жизни? Какая путеводная звезда тебе светит?

— Я ориентируюсь только на свои чувства, а больше ни на что и ни на кого.

Беседовала Елена ПАВЛОВА.